

Е. ЧАРУШИН

ТОМКИНЫ СНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Е. Чарушин

ТОМКИНЫ СНЫ

Рассказы

Москва «Детская литература» 1979

Р 2
Ч-23

Ты ещё не умел читать, а, наверное, уже разглядывал книжки, в которых были нарисованы кот Тюпа, длинноухий пёс Томка, проказливые медвежата, разобравшие по кирпичику печную трубу... Все эти рисунки к своим рассказам Евгений Иванович Чарушин делал сам: ведь он был не только писателем, но и прекрасным художником.

Больше всего он любил рисовать животных и писать про них — про зверей и птиц, про домашних и диких, про больших и особенно про малышей.

Тюпа, Томка, многие другие герои его книг жили у него дома, и Евгений Иванович знал каждого из них, как говорится, в лицо. Вот почему у зверюшек в его книжках не только свои имена, но у каждого свой характер: тот немного упрямый, другой — диковатый, угрюмый, а этот такой ласковый и нежный!.. Такими они были на самом деле, и, познакомившись, ты подружишься с ними, как с живыми.

Рисунки автора

Чарушин Е. И.

Ч-23 Томкины сны: Рассказы/Рис. автора. — М.: Дет. лит., 1979. — 32 с., ил. (Читаем сами).

10 к.

Рассказы о животных.

70802—346
Ч————————201—79 Р2
М101(03)79

ПОЧЕМУ ТЮПУ ПРОЗВАЛИ ТЮПОЙ

Когда Тюпа очень удивится или увидит непонятное и интересное, он двигает губами и тюпает: «Тюп-тюп-тюп-тюп...»

Травка шевельнулась от ветра, пичужка пролетела, бабочка вспорхнула, — Тюпа ползёт, подкрадывается поближе и тюпает: «Тюп-тюп-тюп-тюп... Схвачу! Словлю! Поймаю! Поиграю!»

Вот почему Тюпу прозвали Тюпой.

Слышит Тюпа, кто-то тоненько посвистывает.

Видит: в крыжовнике, где погуще, кормятся сереньские вертлявые пичужки — пенки, ищут, нет ли где мошки-букашки.

Ползёт Тюпа. Уж так таится, прячется. Даже не тюпает — боится спугнуть. Близко-близко подполз да как прыгнет — прыг! Как схватит... Да не схватил.

Не дорос ещё Тюпа птицу ловить.

Тюпа — ловкач неуклюжий.

ТЮПА МАЛЕНЬКИЙ

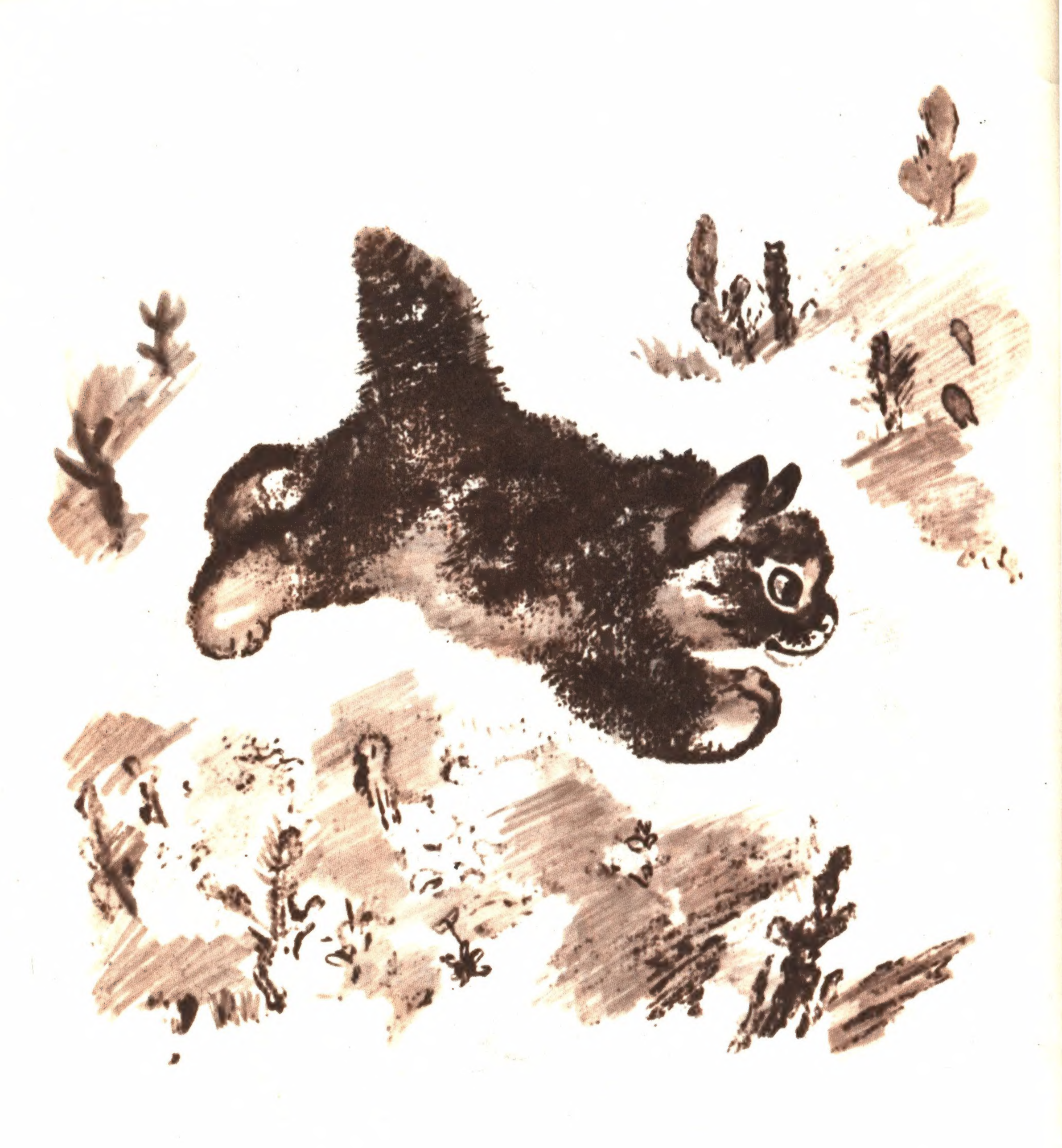
Тюпу побили. Это Непунька, Тюпкина мама, его отшлёпала. Сейчас ей не до него.

Непунька ждёт-пождёт, скоро ли у неё будут другие, новые маленькие сосунки.

Она и местечко приглядела — корзинку. Там она будет их кормить, песни петь.

Тюпа теперь её боится. И близко не подходит. Никому неохота получить шлепка.

У кошки обычай: маленького кормит, а взрослого гонит. Но у Непуньки-кошки новых сосунков отобрали.

Непунька ходит, котят ищет, зовёт. Молока у Непуньки много, а кормить некого.

Искала она их, искала и как-то невзначай увидела Тюпку. Он от неё в это время прятался, боялся трёпки.

И тут Непунька решила, что Тюпа — это не Тю-

па, а её новый маленький сосунок, который потерялся.

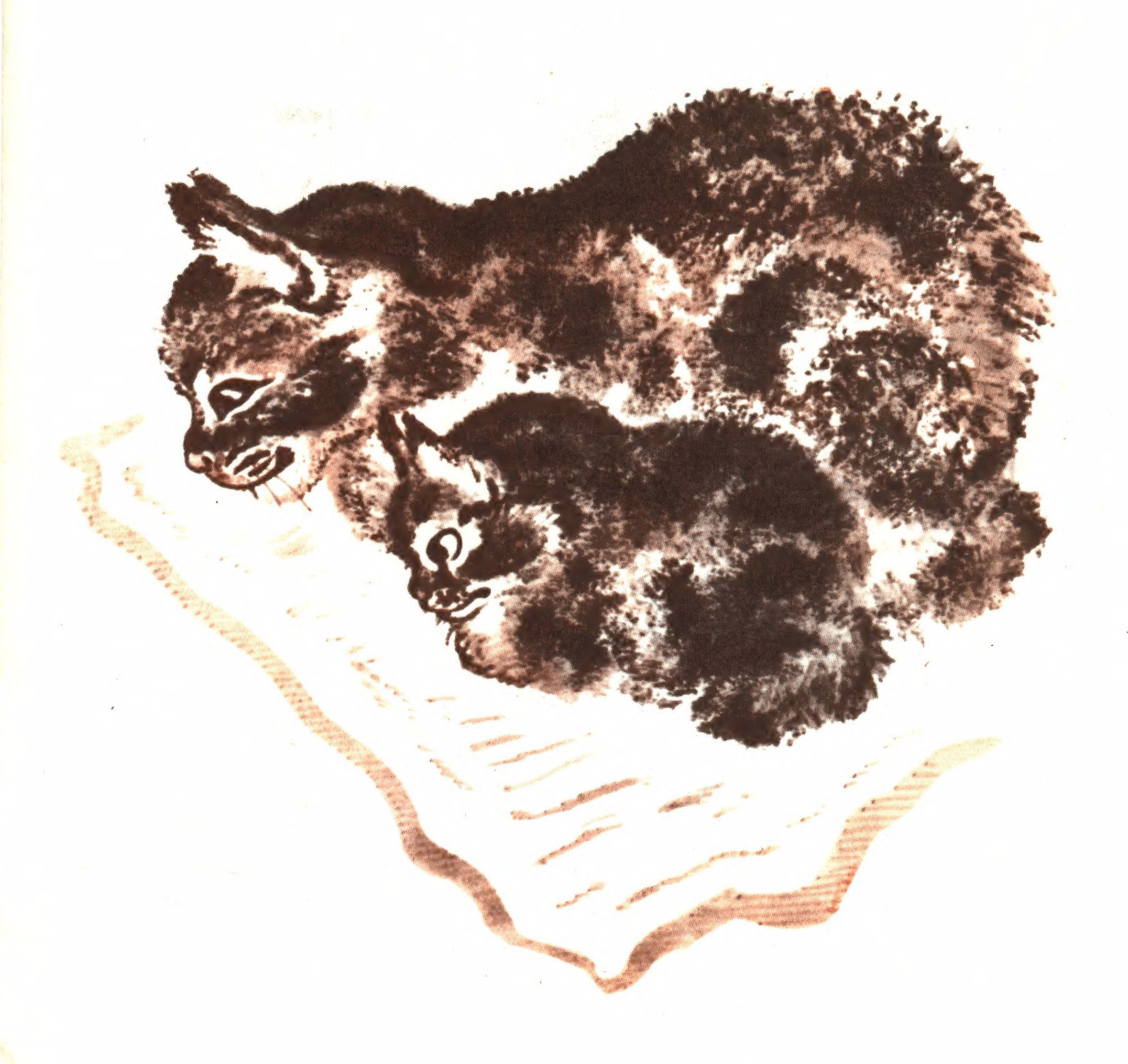
И обрадовалась Непунька, и мурлычет, и зовёт маленького, и хочет покормить, приласкать.

А Тюпа — учёный, он близко не подходит.

Его ещё вчера так приласкали — до сих пор помнит!

А Непунька поёт:

«Иди, покормлю», — легла на бочок.

Молочко у Непуньки тёплое. Вкусное! Тюпа облизнулся. Он давно сам научился есть, а помнит.

Уговорила Непунька Тюпу.

Насосался он молочка — заснул.

И тут начались другие чудеса.

Ведь Тюпа взрослый. А для Непуньки он маленький.

Она перевернула Тюпку и моет его, вылизывает.

Тюпка проснулся, удивился: зачем это, для чего это? Он сам может.

Хотел уйти. А Непунька уговаривает:

«Лежи, ты маленький, запнёшься, потеряешься».

Песни пела-пела и сама заснула.

Тут Тюпа выбрался из корзинки и занялся разными своими делами. То да сё.

Бабочек пошёл ловить. К воробью подкрадывается.

Проснулась Непунька. Ах, где же её Тюпонька?

Выбежала на двор, зовёт.

А Тюпа взобрался на крышу и там ползает, бегает — пугает какую-то пичужку.

Непунька скорее к нему:

«Не упади! Не свались!»

А Тюпа не слушает.

Взяла Непунька Тюпку за шиворот и понесла, как маленького, с крыши. Тюпа отбивается, упирается, не желает с крыши идти.

Никак не может понять Непунька, что Тюпа уже не маленький.

ЛИСЯТА

У охотника жили в комнате два маленьких лисёнка.

Это были шустрые и беспокойные зверьки.

Днём они спали под кроватью, а к ночи просыпались и поднимали возню — носились по всей комнате до самого утра.

Так разыграются лисята, так расшалятся, что бегают по моему приятелю, как по полу, пока тот не прикрикнет на них.

Эти лисята были настоящие ловкачи.

Раз! — и по занавеске взберётся лисёнок прямо до самого верха.

Два! — он уже на высоком шкафу.

А вот и на комоде, а вот оба таскают друг друга за шиворот.

Как-то пришёл охотник со службы, а лисят нет. Стал он их искать...

Заглянул на шкаф — на шкафу нет.

Отодвинул комод — и там нет никого.

И под стульями нет.

И под кроватью нет.

И тут мой приятель даже испугался. Видит — охотничий сапог, что лежал в углу, шевельнулся, поднялся, свалился набок.

И вдруг поскакал по полу. Так и скачет, перевёртывается, подпрыгивает.

Что за чудо такое?

Подскочил сапог поближе.

Глядит охотник — из сапога хвост высовывается. Схватил он лисёнка за хвост и вытащил из сапога; встряхнул сапог — и другой выскочил.

Вот какие ловкачи!

ТОМКА

У охотника я увидел пёсика.

Он вот какой. Уши длинные, хвост короткий.

Охотник рассказал, какой пёсик понятливый, как на охоте помогает, и умный-то, и не грязнуля...

От этого пёсика, говорит, есть щенки.

Приходите поглядите. И мы с ним пошли.

Щенки небольшие — только что научились ходить.

«Который-то из них, — думаю, — мне будет помощник на охоте? Как узнать — кто толковый, а кто не годится?»

Вот один щенок — ест да спит. Из него лентяй получится.

Вот злой щенок — сердитый. Рычит и со всеми лезет драться. И его не возьму — не люблю злых.

А вот ещё хуже — он тоже лезет ко всем, только не дерётся, а лижется. У такого и дичь-то могут отнять.

В это время у щенят чешутся зубы и они любят что-нибудь погрызть. Один щенок грыз деревяшку.

Я эту деревяшку отнял и спрятал от него. Почует он её или не почует?

Щенок начал искать. Других щенят всех обнюхал — не у них ли деревяшка? Нет, не нашёл. Ленивый спит, злой рычит, незлой злого лижет — уговаривает не сердиться.

И вот он стал нюхать, нюхать и пошёл к тому месту, куда я её спрятал. Почуял.

Я обрадовался. «Ну, — думаю, — вот это охотник! От такого и дичь не спрячется».

Назвал его Томкой. И стал растить помощника.

ТОМКИНЫ СНЫ

Когда Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапками шевелит, будто он бежит куда-то.

Спрашивают у меня ребята:

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит!

— Он сны видит, — отвечаю.

— А какие?

— Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны, — про охоту, про зверей, про птиц. Человеку таких снов не увидеть.

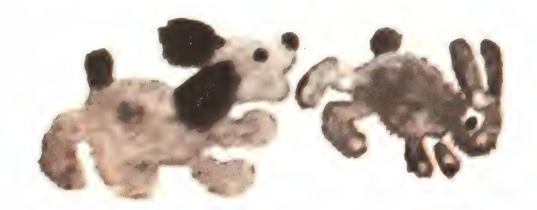
— Вот интересно-то! — говорят ребята.

Обступили они Томку, глядят, как он спит.

А Томка спал, спал и залаял тоненьким голоском.

Я и спрашиваю у ребят:

— Чего же это он во сне видит? Вам понятно?

— Понятно, — говорят ребята. — Это он зайчонка увидел небольшого.

Томка поспал ещё немного и лапками пошевелил.

— Вот, — говорят ребята, — это Томка побежал.

— За кем побежал?

— Да не за кем, а от козы. Он её увидел, а она бодается.

Тут Томка зарычал, залаял.

— Проснись! — закричали ребята. — Проснись, Томка! Ведь он тебя сейчас съест!

— Кто, — спрашиваю, — съест?

— Медведь! Томка с ним подраться хочет. Медведь-то вон какой страшный! Томке с ним не справиться.

НИКИТА — ДОКТОР

Говорит Никита Томке:

— Ну, Томка, сейчас я буду тебя лечить.

Надел Никита на себя халат из простыни, очки нацепил на нос и взял докторскую трубочку для выслушивания — дудку-игрушку. Потом вышел за дверь и постучался — это доктор пришёл. Потом утёрся полотенцем — это доктор вымыл руки.

Поклонился щенку Томке и говорит:

— Здравствуйте, молодой человек! Вы хвораете, я вижу. Что же у вас болит?

А Томка, конечно, ничего не отвечает, только хвостиком виляет — не умеет говорить.

— Ложитесь, молодой человек, — говорит доктор Никита, — я вас выслушаю.

Доктор повернул Томку кверху пузом, приставил к животу дудочку и слушает.

А Томка хвать его за ухо!

— Ты что кусаешься! — закричал Никита. — Ведь я же доктор!

Рассердился доктор. Ухватил Томку за лапу и сунул под мышку градусник — карандаш. А Том-

ка не хочет измерять температуру. Барахтается. Тогда доктор говорит больному:

— Теперь вы откройте рот и скажите: а-а-а. И высуньте язык.

Хотел язык посмотреть. А Томка визжит и язык не высовывает.

— Я пропишу вам лекарство, — говорит доктор Никита, — и научу чистить зубы. Я вижу, что вы, молодой человек, неряха, не любите зубы чистить.

Взял Никита свою зубную щётку и стал чистить у Томки зубы.

А Томка как схватит щётку зубами! Вырвался у доктора из рук, утащил щётку и разгрыз её на мелкие кусочки.

— Ты глупый, Томка! — кричит Никита.— Ведь совсем не так играют!

Так и не научился Томка играть в больного.

МИШКИ

Принесли охотники из лесу двух медвежат. Несли в шапке-ушанке. Мишки-то были маленькие: не то кутёнки, не то щенки.

Отдали Прасковье Ивановне — её муж отыскал берлогу.

Принесли медвежат в избу, сунули под лавку, на тулуп. Тут им тепло и не дует.

Ивановна сама сделала соски. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпками заткнула.

Вот и лежат мишки с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут мишки, ничего себе.

Только раз медвежонок один чуть не помер с перепугу — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали; вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишко выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И клювом бил, и шпорами.

Медвежишко орёт, не знает, что ему и делать, как спасаться. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Еле от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает, как собака какая. Ещё долбануть хочет. Три дня после того не

сходил с тулупа мишка. Думали, уж не подох ли. Да ничего, сошло.

К весне подросли, окрепли мишки. А летом уж куда больше кошки выросли — с маленькую собаку. Такие озорники! То горшки опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, вертятся, мешают хозяйке Ивановне.

Начала она их гнать из избы.

Играйте, мол, на улице. Озоруйте там сколько влезет. На улице большой беды вам не натворить, а от собак лапами отмашетесь или куда залезете.

Живут медвежата целый день на воле. В лес бежать и не думают.

Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-нибудь, они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

А они молчат, конечно, сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно.

Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются:

— Твои, мол, Ивановна, звери всех цыплят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

— А моя бурёнка не доится! Молоко у неё пропало. Это твои звери-охальники её напугали.

— А у меня овечки в хлев не идут, боятся...

Или ещё что другое.

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня кто возьмёт! Нету у меня с ними терпенья.

Пришёл я как-то в ту деревню охотиться. Сказали мне, что мишки тут есть. Я и пошёл их поглядеть.

Спрашиваю хозяйку Ивановну:

— Где твои мишки?

— Да на воле, — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом кирпич летит. Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят!

Сидят два медвежонка, делом заняты: разбирают трубу по кирпичику — отвалят кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше. Ползёт

кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Прогнала их с крыши Прасковья Ивановна и нашлёпала хорошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: мишки у трёх домов трубы разобрали, да мало что разобрали, а ещё и в трубы кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо: назад, в избу, валом валит.

Вот они какие — мишки.

ЗАХОЧЕШЬ ЕСТЬ — ГОВОРИТЬ НАУЧИШЬСЯ

Аня — художник и очень любит пичужек. Все это знают и несут к ней разную живность: то галчонка, то сорочонка. Принесли как-то и скворку.

А скворец ещё не настоящий. Он и летать не умеет, и есть не научился. Крылышки у него растопырки-коротышки. Клюв жёлтый. Он клюв разевает, крылышками разводит и покрикивает — просит положить в клюв еду. А проглотить-то он сам проглотит.

Аня его кормит и приговаривает:

— Кушать! Кушать!

Накормит и пойдёт работать.

Только начнёт — слышит, скворка опять кричит-зовёт. Снова есть хочет.

— Ты злодей, — говорит Аня. — Ты мне работать не даёшь. Мне некогда. Обжора ты! Злодей!

Кормила так Аня скворку, то ласково приговаривала: «Кушать, кушать», то сердилась: «Злодей ты, скворка!»

И скворка научился говорить.

Подошла как-то Аня к нему с кормом.

А скворка сказал:

— Кушать! Кушать!

Вот Аня удивилась!

И с тех пор он по-скворчиному перестал кричать, а как захочет есть — говорит:

— Кушать! Кушать!

И если долго еду не дают, сердится и кричит:

— Злодей! Злодей!

Аня работает у окна, а скворка вертится около. Смотрит, что она делает, то краску клюнет, то карандаш у Ани хочет отобрать — мешает.

Аня открыла окно и говорит:

— Иди погуляй.

Скворка на двор и вылетел.

Аня работает, а сама поглядывает, что он там будет делать.

На дворе много интересного.

Услыхал скворка: кто-то чирикает. Это воробьиха воробьишку кормит. И он тоже захотел есть.

Прилетел к воробьихе. Крылья растопырил, клюв открыл и говорит:

— Кушать! Кушать!

А воробьиха его клюнула и улетела.

Видит скворец: соседский кот Валерка идёт. Он к нему.

Скачет перед ним, требует:

— Кушать! Кушать!

А этого Валерку недавно побили за то, что он гонялся за цыплятами. Он сейчас на птиц и смотреть не хочет.

Тогда подскочил скворка к собаке.

Спит пёс, похрапывает. Перед ним плошка с едой, а по плошке мухи ходят.

А скворка мух ловить ещё не научился, и еда собачья тоже не годится.

Уселся он у самого собачьего носа и говорит:

— Кушать! Кушать!

Долго пёс не просыпался, а как проснулся — залаял.

Испугался скворка.

Летит от него и кричит:

— Злодей! Злодей!

К Ане приходили соседи, приносили скворке корм.

Удивлялись, что птица говорит.

Вот приходит к ней как-то соседка.

— Где, — говорит, — ваш скворец, я ему вкусненького принесла.

Аня зовёт:

— Ты где? Кушать! Кушать!

Скворца нигде нет.

Начали искать — не нашли.

А было вот как.

Пошёл дождь. Из-под тучки ветер налетел. Скворка в это время ходил по двору. Закрутились щепки да пыль около него. Скворка испугался и полетел. Не домой, не к соседям, не в лес, а сам не знает куда. Опустился он на какую-то тропинку. И, наверно, он совсем бы потерялся, если бы его не нашёл чужой человек.

Шёл по тропинке прохожий. Видит: сидит скворец на дороге и не боится. Совсем близко подпускает.

Прохожий думает: «Словлю его, принесу домой, посажу в клетку, пусть поёт».

А скворец взлетел и к нему на шляпу сел. Прохожий хвать его рукой и держит.

А скворец-то у него вдруг закричал:

— Ты злодей! Ты злодей!

Испугался прохожий, разжал руку, отпустил скворку.

Пришёл домой, всем рассказывает: вот какие чудеса — птица говорит.

А соседи это услыхали, сказали Ане.

И вместе с ней пошли птицу искать.

Скворка, как увидел Аню, прилетел к ней и закричал:

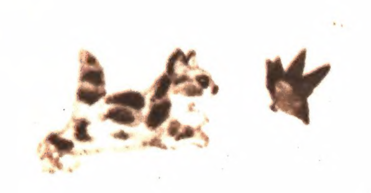
— Ты злодей! Ты злодей!

— Да не «злодей» надо говорить, — сказала Аня, — а «кушать»!

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Чарушин Евгений Иванович

ТОМКИНЫ СНЫ

Рассказы

ИБ № 4255

Ответственный редактор Л. И. Доукша. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор М. В. Журавлёва. Корректор А. П. Саркисян. Сдано в набор 02.03.79. Подписано к печати 14.06.79. Формат 70×100 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 705. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 2-я Советская, 7.

10 коп.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»